

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ «РАБОТА»
ПОСРЕДСТВОМ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ:
КОГНИТИВНЫЙ И МАНИПУЛЯТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Е.Е. Голубкова, А.Г. Захарова

Аннотация. Настоящая статья ставит своей целью объяснить семантическое многообразие английских фразеологических оборотов тематической области «work» с привлечением инструментария когнитивной лингвистики. Рабочим аппаратом являются теория метафоры и метонимии, привлечение историко-культурных данных, анализ развития семантики идиом в контексте современной цифровой коммуникации. Продemonстрировано, что фразеологические образы в этих единицах непрозрачны, исторически обусловлены, и требуют значительного когнитивного усилия для правильного истолкования. На концептуальном уровне в семантике этих идиом скрыты метонимические, метафорические, метафоро-метонимические модели, частотным является процесс абстрагирования значения. В современном цифровом мире идиомы начинают трансформироваться, создавая новые аксиологически окрашенные единицы. Именно с этим процессом связан высокий манипулятивный потенциал изучаемых фразеологических оборотов.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, концептуальная метафора, метонимия, манипуляция

Для цитирования: Голубкова Е.Е., Захарова А.Г. Репрезентация тематической области «работа» посредством английских фразеологизмов: когнитивный и манипулятивный аспекты // Преподаватель XXI век. 2026. № 2. Часть 2. С. 351–359. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-2-351-359

351

REPRESENTATION OF THE TOPIC AREA “WORK” THROUGH ENGLISH
PHRASEOLOGICAL UNITS: Cognitive and Manipulative Perspective

Е.Е. Golubkova, A.G. Zakharova

Abstract. The article aims to explain the semantic diversity of English phraseological units within the topic area “work” using the tools of cognitive linguistics. The methods of analysis include the theory of metaphor and metonymy, calling in historical and cultural data, analysing the idioms in the context of current digitalized communication. It is shown that

© Голубкова Е.Е., Захарова А.Г., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

the phraseological images in these units are opaque, historically determined, and require a significant cognitive effort to be interpreted correctly. On the conceptual level these idioms seem to be relying on metonymic, metaphorical, and metaphonymic patterns. Apart from this, they are also characterized by the process of meaning abstraction. In contemporary digital reality these idioms tend to transform their semantics developing new axiologically coloured meanings. The latter are symptomatic of a high manipulative potential of the idioms under analysis.

Keywords: *phraseological unit, semantics, conceptual metaphor, metonymy, manipulation*

Cite as: Golubkova E.E., Zakharova A.G. Representation of the Topic Area “Work” Through English Phraseological Units: Cognitive and Manipulative Perspective. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. 2026, No. 2, part 2, pp. 351–359. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-2-351-359

В данной статье мы обращаемся к группе фразеологических единиц (ФЕ) тематической области «work» с целью проанализировать когнитивные основы их семантики, процесс постепенного формирования их значения, обладающего, по нашему мнению, высоким аксиологическим, а значит, и манипулятивным потенциалом. Мы рассматриваем данное микроисследование как небольшое дополнение к многочисленным современным исследованиям фразеологического фонда языков, в фокус внимания которых попадали проблемы, связанные со степенью устойчивости ФЕ [1], с параметрами их классификации [2; 3], с диалектной вариативностью и вариантностью их структуры [4], с этимологией [5], с полисемией ФЕ [6], а также с культурно-специфическими способами выражения фразеологических концептов [7] и символьным компонентом значения в ФЕ [8].

Мы опираемся на определение фразеологической единицы А.В. Кунина, который характеризует ФЕ как «устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением» [9, с. 89]. Кроме того, фразеологизмы представляются как когнитивно-обусловленные единицы, скрывающие в себе большой массив информации, который необходимо интерпретировать. Это образные единицы языка, содержащие различные мотивационные макрокомпоненты, достойные самостоятельного изучения как с когнитивной, так и с культурологической точки зрения [10]. Как отмечает А.В. Кунин, фразеологизмы заполняют лакуны в лексической системе языка, которая не может полностью сделать возможным обозначение познанных человеком сторон действительности [1, с. 5]. Семантическая структура фразеологизма сложна и комплексна. Ведущую роль, безусловно, играет мотивационный макрокомпонент фразеологического значения оборота, по-другому называемый внутренней формой. Внутренняя форма фразеологизма служит неким базисом, посредством которого осуществляется настройка экстралингвистических знаний и их смычка с семантикой этого фразеологизма. В.Н. Телия пишет, что внутренняя форма — это «способ организации значения в его связи с языковой картиной, характерной для данного народа, и ее образами» [3, с. 24–25].

Выбор тематической области «работа» обусловлен ее аксиологической ценностью в процессе межличностного общения, разнообразием структуры и происхождения ФЕ, своеобразным историческим контекстом их создания и развития, а также высокой образностью. При этом все они, по нашему предположению, подвергаются схожим когнитивным метаморфозам в процессе формирования фразеологического значения, что мы и попытаемся проиллюстрировать в данной статье.

Научная новизна исследования определяется совмещением методик когнитивного анализа — метафоро-метонимического моделирования значения фразеологизмов — с рассмотрением идиом тематической области «работа» с позиций их манипулятивного потенциала и аксиологической ценности.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии теории фразеологического значения с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, выявлении общих механизмов формирования идиоматического значения ФЕ, релевантных для сферы рабочих отношений, отражающих нюансы межличностных отношений в англоязычной лингвокультуре в целом.

Практическая значимость работы заключается в прикладном характере применяемого подхода, который может реализоваться в рамках исследований семантики ФЕ, методов когнитивного анализа и лексикографического представления идиом.

Таким образом, задачи микроисследования включают: 1) анализ этимологии ФЕ, в том числе их культурологическую составляющую; 2) интерпретацию процесса формирования абстрагирующегося от буквального фразеологического значения исследуемых единиц на основе метафоро-метонимического анализа; 3) оценку аксиологической окраски идиом и их манипулятивного потенциала при использовании в дискурсе.

Источниками примеров стали данные корпусов COCA¹, BNC², NOW Corpus³ и онлайн-словарей Cambridge Dictionary⁴, Merriam-Webster Dictionary⁵.

Идиома *to pull one's weight* ('выполнять свою долю работы', 'вносить соразмерный вклад') имеет очень конкретное и «физическое» происхождение. Это пример социоморфной метафоры, где коллективное физическое усилие становится моделью социальной ответственности. Данная метафора пришла из гребного спорта (*rowing*), который был невероятно популярен в британских университетах Оксфорда и Кембриджа в XIX в. В академической гребле каждый гребец в лодке обладает определенным весом. Для того чтобы лодка двигалась максимально эффективно, гребец должен прикладывать к веслу усилие, которое как минимум компенсирует его собственный вес плюс долю веса самой лодки. Если гребец греблет слабо, он становится «мертвым грузом» (*dead weight*). Его тело приходится везти остальным членам команды, которые вынуждены работать за него. Тогда буквальный смысл выражения «тянуть свой собственный вес» — 'гребсти с силой, достаточной для того, чтобы оправдать свое присутствие в лодке'.

В реализации данной идиомы участвуют механизмы сценарного моделирования и аксиологического давления: образ-схема «баланс сил» (*Image Schema: Balance*) обосновывает идею справедливости как равновесия. Вклад (усилие) должен быть равен статусу (весу гребца). Если баланс нарушен, возникает «социальный долг».

Формированию значения способствует также метафора КОМАНДА — ЭТО ЛОДКА. Данная метафора крайне продуктивна в английской лингвокультуре в целом. Общество, компания или семья воспринимаются как судно, где каждый должен «гребсти», чтобы избежать потопления или поражения. Аксиологическая нагрузка заключается в апелляции к чувству справедливости. Быть тем, кто *doesn't pull their weight*, — в англосаксонской культуре одно из самых серьезных социальных обвинений (клеймо «бездельника»

¹ <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 15.04.2026).

² <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 20.04.2026).

³ <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 23.04.2026).

⁴ <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 14.04.2026).

⁵ <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 21.04.2026).

или «паразита»). Именно поэтому данная ФЕ — мощный инструмент корпоративной манипуляции. Используя эту ФЕ, руководитель применяет стратегию вины: он не просто требует работать лучше, он включает глубинный код «командного игрока». Сотрудник начинает чувствовать вину не перед абстрактным планом, а перед «товарищами по лодке», которым якобы приходится «везти его на себе». Метафора «общей лодки» также скрывает иерархию. В реальности «гребцы» могут пахать на «капитана», который сам вёсла в руках не держит, но идиома создает иллюзию, что все находятся в равных условиях и несут одинаковую ответственность. В основе семантики, таким образом, лежит процесс абстрагирования от прототипической ситуации. Фраза, имевшая буквальное значение, приобрела со временем обобщенно-переносный смысл, что является одной из характерных черт английских фразеологических оборотов в целом.

Схожий процесс произошел и с ФЕ *to pull socks up*. Первое ее упоминание зафиксировано в 1887 г. в британском еженедельнике *The Graphic*. К началу XX в. выражение стало общеупотребительным в британском английском, а позже перекочевало и в другие варианты языка. Это типичный пример метафоро-метонимического переноса, где физическое действие символизирует психологическую готовность. Работает метафорическая модель: ОПРЯТНОСТЬ/ПОДТЯНУТОСТЬ — ЭТО ЭФФЕКТИВНОСТЬ.

Существует несколько версий ее возникновения, и все их можно назвать «спортивными». В конце XIX в., а именно около 1880–1890-х гг., зафиксированы первые случаи употребления этой ФЕ. Футболисты и регбисты носили тяжелые шерстяные гетры, эластичных резинок тогда не было, гетры держались на подвязках или просто за счет плотности. Когда игрок уставал или начинал лениться, его гетры сползали гармошкой к щиколоткам. Вид «спущенных носков» стал символом небрежности и проигрыша. Призыв тренера «подтянуть носки» буквально означал «приведи себя в порядок, сосредоточься и вернись в игру». Близки данной и другие «спортивные» версии: бегун, который перед забегом использует подтягивание носков как психологическую настройку на готовность; солдат, который, следя за состоянием носков, проявляет дисциплину и боевую готовность.

Интересно, что вертикальный вектор действия поддерживается и ориентационной метафорой UP IS GOOD / DOWN IS BAD, выражая движением вверх состояние контроля, воли и прогресса. Отметим, что эта фраза часто используется в корпоративном дискурсе. Когда начальник говорит сотруднику: «You need to pull your socks up», он использует «мягкую» спортивную метафору, чтобы скрыть жесткую критику или угрозу увольнения. Это способ сделать требование более «дружелюбным», опираясь на культурный код спортивного азарта.

Заслуживает нашего внимания и идиома *to get one's foot in the door* — ‘сделать первый шаг на пути достижения успеха’, ‘начать делать что-то, что приведет к успеху в чем-то (главным образом, на работе)’, ‘зацепиться за возможность’. Это еще один пример того, как агрессивное физическое действие превращается в социально-профессиональную метафору. Ее возникновение связано с эпохой коммивояжеров начале XX в. (расцвет в 1920–1930-х гг.) в США и Британии и связано с культурой *door-to-door sales* (продажи «от двери к двери»). Когда коммивояжер, например продавец пылесосов или библий, стучался в дом, хозяйка часто пыталась захлопнуть дверь сразу, как только понимала, что ей хотят что-то продать. Профессиональный трюк заключался в том, чтобы успеть просунуть носок ботинка в щель между приоткрытой дверью и косяком. Буквальный смысл можно трактовать так: если нога уже в проеме двери, то дверь уже

нельзя захлопнуть до конца, — и это давало продавцу лишние несколько секунд, чтобы закончить фразу, заставить человека слушать и в конечном итоге войти в дом. Образная схема «ПРЕПЯТСТВИЕ — ДОСТУП» позволяет моделировать расширение значения посредством метафоры ДВЕРЬ — ЭТО КОГНИТИВНЫЙ БАРЬЕР между внешним миром и внутренним пространством. Нога (*foot*) здесь метонимически представляет всего человека. Если «часть» получила доступ, «целое» (весь человек со своими талантами и амбициями) неизбежно последует за ней. Таким образом, идиома описывает победу минимального физического усилия над сопротивлением среды. Данный пример уникален тем, что идиома дала название реальной психологической технике манипуляции (исследования Фридмана и Фрейзера, 1966) [11]. Суть техники заключается в том, что если вы сначала просите человека о чем-то незначительном, то вероятность того, что он позже согласится на вашу большую и обременительную просьбу, возрастает в несколько раз. В бизнесе и политике эта идиома используется для оправдания экспансии: «получить ногу в двери этого рынка» на самом деле означает план по полному захвату пространства. В современном цифровом мире идиома начинает трансформироваться, создавая новые «паспарту» (термин [12]: *to get your avatar in the door* (в контексте метавселенных); *to get your foot in the cloud* (в контексте перехода бизнеса в облачные технологии); *A foot in the door is worth two in the street* (антипоговорка: «Лучше маленькая реальная возможность, чем большие пустые перспективы»).

Еще одним частотным фразеологическим оборотом является *dogsbody* — ‘человек, выполняющий важную, тяжелую, черную работу’. Это пример того, как морской жаргон и кулинарные метафоры превращаются в жесткую социальную иерархию. Выражение появилось в Британском королевском флоте (*Royal Navy*) в начале XX в. (около 1910–1920-х гг.). Изначально *dog's body* (‘собачье тело’) было ироничным названием для невкусной флотской еды, чаще всего это были размоченные в воде морские сухари или густой гороховый пудинг. Младших офицеров (мичманов), которые только начинали службу и выполняли самую неблагодарную работу, в шутку называли *dogsbody*, потому что они были «низшим звеном» и, по легенде, питались этой самой дешевой бурдой. Со временем название еды перешло на человека, что отражает метонимию: «тот, кто ест собачью еду» — это «тот, кто занимает низшее положение». Отметим также, что слова *body* вместо *person* или *man* подчеркивает, что человек воспринимается не как личность, а как «функция», «инструмент» или просто «физическая единица» для выполнения задач. Более того, наблюдается зооморфная редукция: собака в английской фразеологии часто символизирует либо верность, либо рабский труд/низкий статус (ср.: *dog-tired*, *to work like a dog*). Превращение человека в «собачье тело» — это способ указать на его крайнюю социальную уязвимость. Называя кого-то *dogsbody*, говорящий закрепляет за ним статус, который не предполагает амбиций или уважения, следовательно, аксиологическая окраска отрицательная. В манипулятивном дискурсе данная идиома используется либо для обесценивания труда (ср.: *We need a dogsbody for this project*), либо для ироничной самопрезентации (‘незаменимый трудяга, не несущий ответственности’) (ср.: *I'm just a general dogsbody here*). Сегодня идиома обрастает новыми контекстами, создавая свои «рамки»: *corporate dogsbody* — это современный концепт «офисного планктона» или стажера, *digital dogsbody* — о людях (или даже AI-ассистентах), выполняющих рутинную сортировку данных, *From dogsbody to somebody* — новая антитеза, описывающая путь от низов к вершине.

Идея напрасного усилия, бесполезной работы передается с помощью метафорического образа, заключенного в обороте *to beat a dead horse* (в британском варианте также: *to flog a dead horse*) — «стегатьдохлую лошадь», т. е. попусту тратить силы, пытаться оживить безнадежное дело или бесконечно обсуждать вопрос, который уже давно решен. Выражение имеет два источника, которые сошлись в одной точке в середине XIX в.: 1) в британском флоте XVIII–XIX вв. существовала традиция: матросам выдавали жалование за первый месяц авансом, и они его тут же пропивали в порту. Весь первый месяц в море они работали «бесплатно» (отрабатывали долг). Этот месяц называли *dead horse*. В конце месяца матросы делали чучело лошади и торжественно выбрасывали его за борт, символизируя этим тот факт, что «лошадь сдохла», долг выплачен, теперь они работают на себя; 2) первое зафиксированное (1859) использование идиомы в нынешнем смысле приписывают политику Джону Брайту. Он говорил о законопроекте, который пытались продвинуть в парламенте, хотя тот не имел шансов. Брайт сказал, что пытаться вызвать энтузиазм у публики по этому поводу — это все равно, что «стегатьдохлую лошадь», заставляя ее везти груз. Снова мы видим метафору СИЛА — ЭТО ДВИЖЕНИЕ. Лошадь рассматривается как биологический «двигатель», ее смерть — это окончательное прекращение функции движения. Стегать лошадь означает игнорировать физическую реальность. Метафора, таким образом, подчеркивает иррациональность действий субъекта, идиома вызывает физическое отвращение (избиение трупа животного). Подобное поведение оппонента в дискуссии выглядит не просто бессмысленным, а «непристойным» или «патологическим», поэтому, когда манипулятор хочет прекратить неприятное обсуждение, он говорит: «*Stop beating a dead horse!*», тем самым выставляя аргументы (которые могут быть очень важными) как «давно решенные» или «неактуальные». Вместо того чтобы отвечать по существу, он обвиняет собеседника в речевой избыточности и занудстве. Посредством данной идиомы настойчивость превращается в бесполезное занятие. Это способ заставить человека замолчать, используя социальное давление и обвинение в «неадекватности». С аксиологической точки зрения наблюдаем превращение положительной черты (настойчивость) в отрицательную (глупость).

В эпоху Интернета и «культуры отмены» идиома получает новую жизнь. Так, возможны окказионализмы, подобные следующим: *to beat a dead meme* — ‘пытаться шутить шутку, которая уже всем надоела’; *to flog a dead celebrity* — когда СМИ продолжают освещать скандал с участием звезды, который уже никого не волнует; *X is the dead horse of this discourse* — когда тема (например, ковид или биткоин) становится «паспорту» для обозначения неактуальности.

Данная ФЕ, как и все рассмотренные выше, характеризуется высоким уровнем фразеологической абстракции, которая выполняет функцию обобщения [13].

Остановимся на обсуждении еще одной достаточно частотной идиомы — *to burn the candle at both ends*, возникшей приблизительно в XVII в. в значении ‘чрезмерно расходовать свои силы, работая с раннего утра до поздней ночи’. В основе переосмысления значения лежит образ-схема: свеча (тело/жизнь) имеет ограниченную длину (т. е. время). Огонь, олицетворяющий деятельность, поглощает субстанцию. В основе фразеологизма лежит базовая когнитивная метафора ЭНЕРГИЯ — ЭТО ТОПЛИВО и ее более частное воплощение ЧЕЛОВЕК — ЭТО КОНТЕЙНЕР С ТОПЛИВОМ. Появление второй точки горения — это нарушение канонической ситуации, что создает образ неизбежного финала: когда две точки пламени встретятся, свеча исчезнет. Манипуля-

ция этим фразеологизмом работает через смену аксиологического знака. Так, в современном корпоративном дискурсе фраза утратила характер «предупреждения об опасности» и стала своеобразным знаком отличия. Метафора «горения» превращает износ организма в эстетический акт преданности делу.

Данный фразеологизм часто используется для оправдания плохой организации труда. Например, утверждение *To succeed in this industry, you have to burn the candle at both ends* фактически провозглашает сверхурочную работу «законом природы». В данном случае манипуляция способствует своеобразной эстетизации истощения. Использование идиомы позволяет избежать политически некорректных слов: *burnout* («выгорание»), *sleep deprivation* («депривация сна»), *anxiety* («тревога»). Более того, метафора свечи романтизирует процесс разрушения, так как человек, который сжигает себя, как свечу, видится ярким, энергичным и активным, а не больным и уставшим. Это фактически эвфемизация, скрывающая физиологический ущерб. Итак, в современном англоязычном дискурсе данная идиома функционирует как инструмент аксиологического перекодирования, превращая деструктивные сценарии поведения в социально одобряемые модели, что позволяет манипулятору эффективно камуфлировать эксплуататорские стратегии под риторику личностной и профессиональной исключительности.

С предыдущей идиомой непосредственно связана другая идиома *to burn the midnight oil*. Этот фразеологический оборот означает «работать допоздна или до утра, чтобы выполнить какое-то дело». В данной фразе есть оттенок жертвенности, поскольку человек жертвует сном или личным временем, чтобы выполнить какую-то задачу или проект. Как и во фразеологизме *to burn the candle at both ends*, в данной фразе заключена когнитивная метафора ЭНЕРГИЯ — ЭТО ТОПЛИВО. Процесс сжигания топлива уподобляется расходованию сил человека. Идиома обладает большим манипулятивным потенциалом. Во-первых, она подчеркивает вовлеченность человека в учебный/рабочий процесс, его приверженность делу, что позволяет сделать о нем вывод, как о добросовестном и сознательном человеке. Во-вторых, эта идиома действует как своеобразный рычаг влияния на других людей, которые тоже должны вести себя таким же образом. В-третьих, работа на износ пропагандирует погоню за результатами и гонку за достижениями — это подхватывается обществом.

Таким образом, фразеологические единицы тематической области «работа» концептуально обогащены и осложнены. На концептуальном уровне в семантике этих идиом скрыты метонимические, метафорические, метафоро-метонимические модели, частотным является процесс абстрагирования значения. Умение «прочитывать» эти модели дает ключ к пониманию сложных схем сознания. В образном компоненте этих идиом аккумулирован весь богатейший опыт трудовой деятельности человека, бытовые реалии и традиции англосаксов. Фразеологический арсенал тематической области «работа» представляет собой насыщенный историко-культурный блок и обладает высоким манипулятивным потенциалом, изучая который можно не только повысить уровень языка, но и проникнуть в историю и психологию изучаемого языка и народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., перераб. М.: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. 381 с.
2. Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс). М.: Высшая школа, 1970. 342 с.

3. Телия В.Н. Функционально-параметрическая модель значения идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка: материалы методической школы-семинара. М.: Ин-т русс. языка АН СССР, 1988. С. 18–35.
4. Дронов П.С. Варьирование идиом как системно-языковое и дискурсивное явление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2025. 42 с.
5. Лызов А.И. Аксиологическая динамика английской фразеологической системы: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2020. 395 с.
6. Щербань О.В. Когнитивные механизмы семантической деривации в современной английской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. 208 с.
7. Ковшова М.Л. Языковая и культурная специфика фразеологического знака: теоретические и методологические основы исследования // Вопросы филологии. М., 2006. № 3. С. 6–12.
8. Рыжская Е.В. Лингвокреативный потенциал символизации при объективации нового когнитивного опыта в современной английской фразеологии // Когнитивные исследования языка. 2026. № 2(67). Ч. 1. С. 145–150.
9. Кунин А.В. О фразеологической номинации // Фразеологическая семантика: сб. науч. тр. / отв. ред. А.В. Кунин. М., 1983. Вып. 211. С. 88–100.
10. Маслова В.А. Код языка как пространство реализации культуры // Коммуникативные стратегии: материалы XI Международной научной конференции. Минск: МГЛУ, 2022. С. 99–102.
11. Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб.: Питер, 2010. 794 с.
12. Пересыпкина К.А., Богданова-Бегларян Н.В. Комические паспарту как новое явление современной коммуникации // Коммуникативные исследования. СПб., 2024. Т. 11. № 4. С. 758–772.
13. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1964. 315 с.

REFERENCES

1. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka, Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz.* [Course of Phraseology of the Modern English Language: Textbook for Institutes and Departments of Foreign Languages], 3-e izd., pererab., Moscow, Vysshaya shkola Publ., Dubna, Feniks Publ., 1996, 381 p.
2. Kunin A.V. *Anglijskaya frazeologiya (teoreticheskij kurs)* [English Phraseology (Theoretical Course)], Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970, 342 p.
3. Teliya V.N. *Funkcionalno-parametricheskaya model znacheniya idiom* [A Functional-Parametric Model of Idiom Meaning], *Leksikograficheskaya razrabotka frazeologizmov dlya slovarej razlichnyh tipov i dlya Mashinnogo fonda russkogo yazyka. Materialy metodicheskoy shkoly-seminara* = A functional-parametric model of idiom meaning, Lexicographic development of phraseological units for various types of dictionaries and for the Machine Fund of the Russian language. Materials of the methodological seminar school, Moscow, In-t russ. yazyka AN SSSR Publ., 1988, pp. 18–35.
4. Dronov P.S. *Varjирование idiom kak sistemno-yazykovoe i diskursivnoe yavlenie* [Variation of Idioms as a Systemic-Linguistic and Discursive Phenomenon], Extended abstract of ScD Dissertation (Philology), Moscow, 2025, 42 p.

5. Lyzlov A.I. *Aksiologicheskaya dinamika anglijskoj frazeologicheskoy sistemy* [Axiological Dynamics of the English Phraseological System], ScD Dissertation (Philology), Moscow, 2020, 395 p.
6. Shcherban O.V. *Kognitivnye mekhanizmy semanticheskoy derivacii v sovremennoj anglijskoj frazeologii* [Cognitive Mechanisms of Semantic Derivation in Modern English Phraseology], PhD Dissertation (Philology), Moscow, 2024, 208 p.
7. Kovshova M.L. *Yazykovaya i kulturnaya specifika frazeologicheskogo znaka: teoreticheskie i metodologicheskie osnovy issledovaniya* [Linguistic and Cultural Specificity of Phraseological Signs: Theoretical and Methodological Foundations of Research], *Nauchnyj zhurnal Voprosy filologii* = Academic journal Issues of Philology, Moscow, 2006, No 3, pp. 6–12.
8. Ryzhkina E.V. *Lingvokreativnyj potencial simbolizacii pri objektivacii novogo kognitivnogo opyta v sovremennoj anglijskoj frazeologii* [Linguo-creative Potential of Symbolization in the Objectification of New Cognitive Experience in Modern English Phraseology], *KIYa*, 2026, No 2(67), ch. 1, pp. 145–150.
9. Kunin A.V. *O frazeologicheskoy nominacii* [On Phraseological Nomination], *Frazeologicheskaya semantika: sb. nauch. tr.* = Phraseological semantics: collection of academic papers, A.V. Kunin (ed.), Moscow, 1983, is. 211, pp. 88–100.
10. Maslova V.A. *Kod yazyka kak prostranstvo realizacii kultury* [Language Code as a Space for the Realization of Culture], *Kommunikativnye strategii: materialy XI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* = Communication strategies: Proceedings of the XI International Scientific Conference, Minsk, MGLU Publ., 2022, pp. 99–102.
11. Myers D. *Socialnaya psihologiya* [Social Psychology], 7-e izd., St Petersburg, Piter Publ., 2010, 794 p.
12. Peresypkina K.A., Bogdanova-Beglaryan N.V. *Komicheskie paspartu kak novoe yavlenie sovremennoj kommunikacii* [Comic Passepartouts as a New Phenomenon of Modern Communication], *Kommunikativnye issledovaniya* = Communication studies, 2024, vol. 11, No 4, pp. 758–772.
13. Arhangel'skij V.L. *Ustojchivye frazy v sovremennom russkom yazyke* [Set Phrases in Modern Russian], Rostov-on-Don, Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1964, 315 p.

Голубкова Екатерина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра лексикологии английского языка факультета английского языка, Московский государственный лингвистический университет, katemg@yandex.ru

Ekaterina E. Golubkova, ScD in Philology, Full Professor, English Lexicology Department, Faculty of English, Moscow State Linguistic University, katemg@yandex.ru

Захарова Анастасия Григорьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра английского языка № 1, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, un_bello_gesto@mail.ru

Anastasia G. Zakharova, PhD in Philology, Senior Lecturer, English Language Department № 1, MGIMO University, un_bello_gesto@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.03.2026. Принята к публикации 12.04.2026

The paper was submitted 10.03.2026. Accepted for publication 12.04.2026